Описаніе новаго московскаго гулянья въ 1840 году.

Противъ самой средины Тверскаго бульвара, на правой рукѣ, ежели итти отъ Тверскихъ воротъ, есть два бѣлые дома; балконы съ золотыми перилами; на воротахъ почернѣвшіе львы; за дворомъ садъ; въ саду музыка и пѣсни и народъ. Кромѣ того заплеснѣлый прудъ, образующій родъ самороднаго малахита. На травѣ, вмѣстѣ съ людьми пасутся животныя. Дамы и быки красуются на затоптанномъ дернѣ. *Вездѣ подѣланы клѣтки, въ которыя всѣ смотрятъ изъ* любопытства увидѣть какую-нибудь жаръ птицу, и ничего не видятъ, кромѣ того, чего никто не прибираетъ. Въ деревянной палаткѣ, раскрашенной подъ холстину, на пыльныхъ креслахъ сидятъ Цыганки и поютъ „раздирательными" голосами: „Ты не повѣришь"... Узкія, какъ древніе столбцы, дорожки наполнены народомъ всякаго значенія: тутъ встрѣтите барина, обстриженнаго, какъ Англійскій берейторъ, въ заморскомъ пальто, изъ разноцвѣтнаго сукна; барыню въ подозрительной шляпкѣ чернаго цвѣта съ розанчикомъ за ухомъ, въ бурнусѣ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, съ бѣлою бахрамою, красными кистями и голубымъ капишономъ; франта, у котораго на сюртукѣ двадцать пять кармановъ, обшитыхъ бархатомъ, и франта, у котораго на фракѣ не достаетъ трехъ пуговицъ; милыхъ дѣвушекъ, созданій въ родѣ Эсмеральды, которымъ всякой мужчина кажется Фёбусомъ, въ фуляровыхъ платкахъ и семирублевыхъ кисейныхъ платьяхъ, которыя безпрестанно задѣваютъ васъ зонтикомъ, и такъ любезно извиняются, что такъ и хочется, чтобъ снова задѣли. Дѣти плачутъ, потому что въ тѣснотѣ имъ давятъ ноги, а матери слушаютъ музыку. Отецъ семейства сидитъ у бесѣдки и пьетъ чай въ прикуску, деверь ѣстъ апельсинъ, а золовка прохлаждается мороженымъ; между тѣмъ какъ невѣстка обтирается, а свекровь ищетъ въ кустахъ потерянную подвязку. Прекрасно: всѣ заняты. Молоденькія

дочки, въ пелеринкахъ на розовомъ, не знаю чемъ, просятъ маменьку отдохнуть и оставляютъ съ ней уже совершенолѣтняго братца, въ курткѣ какого-то казеннаго заведенія, а сами прелестно занимаются разговоромъ съ юношами въ соломенныхъ шляпахъ и узкихъ брюкахъ, дарятъ цвѣточки и пр., назначаютъ имъ... Да это не мое дѣло. Готическая башня, вышиною въ полторы сажени, смотритъ съ высоты своего величія на всѣ проказы свѣта и какъ будто смѣется, зѣвая своимъ разбитымъ окномъ. На столбѣ вы читаете географію любви: отсюда вышла истина, что отъ „острова любви до болота ненависти одинъ только шагъ." На гвардейца въ мундирѣ бутылочнаго цвѣта съ хитрою улыбкою указываетъ изъ за куста голый, какъ рука, Амуръ; должно быть Амуръ, судя по луку со стрѣлой, но вслучаѣ нужды онъ можетъ служить трубочистомъ. Есть темная аллея, на концѣ которой находится панорама... Никто не можетъ сказать, вышедши оттуда, что онъ видѣлъ; говорятъ только, что хорошо. Въ гротѣ лежитъ мертвый пустынникъ, точь въ точь, какъ тотъ, который является въ Сильфидѣ. Въ темномъ углу сидитъ Китайскій мандаринъ или Далай-Лама, не знаю порядочно. На немъ платье шито стеклярусомъ; въ комнатѣ два зеркала; отъ этого кажется, что три Далай-Ламы. Подлѣ Далай-Ламъ на стулѣ обыкновенно сидитъ или чиновникъ или студентъ, такъ что вмѣсто двухъ, вы видите въ зеркалѣ шесть Китайцевъ. По саду ходитъ баринъ съ черными усами, въ синей шинели, подбитой мѣстами то бархатомъ, то красною фланелью. У него глаза всюду влекутъ за собой голову, что придаетъ ему видъ алебастровой кошки, у которой голова на проволокѣ; впрочемъ онъ держится прямо и носитъ желтыя перчатки. Пожилые люди здѣсь волочатся, не опасаясь встрѣтить Лукрецій; здѣсь бѣлые волосы обѣщаютъ много бѣлыхъ ассигнацій. Есть и качели, но въ этомъ саду гораздо пріятнѣе качаться на стулѣ, потому, что въ лодкѣ провалилось дно. Здѣсь бываютъ авторы: Польдекокъ и пр., иногда даже и Бальзакъ пріѣзжаетъ, въ соломенной шляпѣ и въ шинели съ воротникомъ, поднятымъ до ушей. Вы вѣроятно слышали, что у Бальзака украли палку; онъ ищетъ ее, и поэтому вы вездѣ его встрѣтите. Собакъ не велѣно пускать; здѣсь не досугъ; нѣкогда заниматься псарней; а здѣшняя дичь доступна всякому... Здѣсь позволено курить всякія сигары; точно также, какъ являться во всякомъ костюмѣ... Бороды здѣсь во всеобщемъ употребленіи, какъ въ высшемъ обществѣ.

Чего не могла дать природа, исполнило искуство: на трехъ доскахъ нарисованъ видъ каскада, съ разрушительными своими послѣдствіями: т. е. вырванными деревьями, съ брызгами и чуть ли не съ радугой. Не много подалѣе вы видите цѣлый дворецъ, бѣзподобную комнатку со статуей какого-то героя Среднихъ вѣковъ, который, какъ Баярдъ, рыцарь безъ страха и упрека; онъ не дрогнетъ, чтобъ не дѣлалось около него, и заслуживаетъ упрека развѣ въ томъ,

что позволилъ себя заплевать. И вся эта прелесть, благодаря творческой кисти масляннаго художника, выросла на двухъ доскахъ!

Я не кончаю; конецъ мой остался въ этомъ очаровательномъ саду; когда увижу что-нибудь еще, разскажу вамъ. Прощайте, господа!